

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111-26

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79

РОССИЙСКО-СОВЕТСКИЙ ОПЫТ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ «АННАБЕЛЬ ЛИ» ЭДГАРА АЛЛАНА ПО

**Макарова Олеся Сергеевна,
Гончаров Артем Сергеевич**

Ставропольский государственный педагогический институт,
Ставрополь, Россия

Для контактов: o-ss@mail.ru, raven-moon-34999@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению традиции перевода романтической поэзии Эдгара Аллана По на русский язык. Творчество Эдгара Аллана По отличается изяществом готического пейзажа, умелым сочетанием мистических и романтических аспектов внутренних переживаний личности, острой борьбы возвышенного идеала с социальной реальностью. «Безумие как искусство» — отличительная черта поиска любви лирических героев По, особенность их мировосприятия. Поэзия автора передаёт его внутренние переживания, которые, как правило, являются личностными мотивами лирических героев. Такая специфика значительно затрудняет перевод поэтического творчества. Последнее стихотворение автора «Аннабель Ли» обобщает образ «вечной любви», а стилистические и лексико-семантические особенности стихотворения свидетельствуют о наполненности художественного мира культурными, мистико-религиозными, эмоциональными, религиозными и культоритуальными концептами. Несмотря на то, что По критиковали за склонность к формализму, его поэтическое мастерство считают идеальным типом сохранения единства и целостности художественного впечатления. Механическое сохранение формы, свойственное раннему творчеству По, было воплощено и в его последнем стихотворении. Для языкового воплощения «вечной любви» автор противопоставляет архетипы и формы

взаимодействия мира земного и небесного. Придерживаясь позиции о необходимости глубокой, поэтапной и методичной работы над стихотворением, По создал уникальный синтетический мир, пропитанный духом Античности, Средних веков и Нового времени. Образ Аннабель Ли сохранил черты Ленор, Елены, Лигеи и других женских персонажей, которые создавались автором в поэтических и прозаических произведениях. Классическими переводами считаются переводы К. Бальмонта, В. Брюсова и В. Федорова. Мы преследуем цель проанализировать другие известные переводы — С. Андреевского, Д. Садовникова, Л. Уманца, В. Жаботинского, А. Оленича-Гнененко. Результатом исследования стало выявление переводческих особенностей стихотворения на композиционном, стилистическом, лексическом и семантическом уровнях.

Ключевые слова: стиль, композиция, искажение, форма, характеристика, концепт, мотив

Для цитирования: Макарова О.С., Гончаров А.С. Российско-советский опыт перевода стихотворения «Аннабель Ли» Эдгара Аллана По // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 1. С. 53–79. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.03.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

RUSSIAN-SOVIET EXPERIENCE OF TRANSLATING THE POEM “ANNABELLE LEE” BY EDGAR ALLAN POE

**Olesya S. Makarova,
Artyom S. Goncharov**

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia

For contacts: o-ss@mail.ru, raven-moon-34999@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the tradition of translating the romantic poetry of Edgar Allan Poe into Russian. The work of Edgar Allan Poe is distinguished by the grace of the Gothic landscape, a skillful combination of the mystical and romantic aspects of the inner experiences of the individual, the acute struggle of the lofty ideal with social reality. “Madness as art” is a distinctive feature of the search for love of Poe’s lyrical heroes, a feature of their perception of the world. The poetry of the author conveys his inner experiences, which, as a rule, are the personal motives of the lyrical heroes. This specificity significantly complicates the translation of poetry. The author’s last

poem “Annabel Lee” generalizes the image of “eternal love”, and the stylistic and lexical-semantic features of the poem testify to the fullness of the artistic world with cultural, mystical-religious, emotional, religious and cult-ritual concepts. Despite the fact that Poe has been criticized for his penchant for formalism, his poetic skill is considered the ideal type of maintaining the unity and integrity of artistic impression. The mechanical preservation of form, characteristic of Poe’s early work, was embodied in his last poem. For the linguistic embodiment of “eternal love” the author contrasts archetypes and forms of interaction between the earthly and heavenly worlds. Adhering to the position of the need for deep, gradual and methodical work on the poem, Poe created a unique synthetic world saturated with the spirit of Antiquity, the Middle Ages and the New Time. The image of Annabel Lee has retained the features of Lenore, Helena, Ligeia and other female characters that were created by the author in poetry and prose. The translations made by K. Balmont, V. Bryusov and V. Fedorov are considered to be classical ones. We aim to analyze other well-known translations by S. Andreevsky, D. Sadovnikov, L. Umants, V. Zhabotinsky, A. Olenich-Gnenenko. The result of the research was the identification of the translation features of the poem at the compositional, stylistic, lexical and semantic levels.

Keywords: style, composition, distortion, form, characteristic, concept, motif

For citation: *Makarova O.S., Goncharov A.S. (2023). Russian-Soviet experience of translating the poem “Annabelle Lee” by Edgar Allan Poe. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 1. P. 53–79. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-53-79*

The article was received on January 12, 2022;
approved after reviewing on March 15, 2023;
accepted for publication on May 11, 2023.

Введение

Проблема критического анализа переводов любовной лирики Эдгара Аллана По на сегодняшний день имеет недостаточную степень изученности. В частности, спорным остаётся вопрос об адаптивности и гибкости переводов последних стихотворений Э.А. По. Состояние научного знания в отношении наиболее оптимальных форм и средств перевода стихотворения «Аннабель Ли» привлекает внимание многих исследователей. Российские и советские переводы всегда отличались выделяющейся позицией переводчика как автора, искажением исконных аксиоформ, интенции автора-рассказчика и лирического героя.

Так, частично затрагивал проблему любовной лирики Э.А. По немецкий философ и культуролог Теодор Адорно. В его работе «Эстетическая теория» были даны некоторые «ключи» к пониманию основ творчества поздних романтиков. Например, феномен «искусства как безумия» неоднократно изучался как самим Т. Адорно, так и другими представителями «Франкфуртской школы». Тем не менее, работы Т. Адорно носили философский, культурологический и общекультурный контекст, не имея строгой лингвистической позиции.

Известные лингвисты, учитывавшие стиль и лексико-семантические особенности позднего периода творчества Э.А. По, тем не менее, оставили без внимания многие скрытые смыслы, аллюзии, особенности интенции лирического героя в последнем и наиболее концептуальном произведении автора.

В рамках изучения критики переводов стихотворения «Аннабель Ли» на русский язык можно выделить лишь две устоявшиеся позиции, воплотившиеся в частных исследованиях, где стихотворение было рассмотрено в отрыве от сложившихся представлений и обобщённых оценок как позднего периода творчества Э.А. По в целом, так и любовной лирики в данный период.

Актуальность настоящего исследования определяется недостаточно проработанной моделью перевода позднего поэтического творчества американского писателя, поэта-романтика Эдгара Аллана По. Особый интерес вызывают переводы последнего произведения автора — «Аннабель Ли». Существует восемь классических переводов у авторов, сумевших не только соблюсти лексико-семантические особенности оригинала, передать эмоциональный окрас, но воспроизвести аллитерацию л/н — важнейшей стилистический компонент произведения. При этом, в каждом из переводов авторы представили своё видение религиозного, мистического подтекста и показали уникальное восприятие финала, заметно отличающееся от оригинала.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материалов работы в дальнейшем изучении поэтического наследия американских писателей и поэтов эпохи романтизма и, в частности, особенностей последних лет творчества Э.А. По. В методическом плане результаты исследования можно использовать на занятиях по «Зарубежной литературе» в рамках высшего учебного заведения, специализирующегося на филологических, литературоведческих дисциплинах и теории перевода.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе наиболее удачных переводов стихотворения «Аннабель Ли» на композиционном, стилистическом, лексическом и семантическом уровнях. В ходе исследования представлены новые данные об особенностях восприятия религиозных, мистических концептов и финала стихотворения, а также связанное с этим искажение семантики оригинального произведения.

Цели статьи

Цель исследования — провести комплексный анализ известных переводов стихотворения «Аннабель Ли» Э.А. По на русский язык с точки зрения композиции, стилистики, лексики и семантики.

Исходя из обозначенной цели исследования, выделим следующие задачи:

- 1) проанализировать ранние и поздние переводы стихотворения «Аннабель Ли» с лексической, семантической, стилистической и композиционной сторон;
- 2) определить гибкость, адаптивность и универсальные качества каждого перевода в соотношении со стихотворением-оригиналом;
- 3) обозначить предромантический, романтический и готический дискурс оригинала и переводов стихотворения, раскрыв черты народной поэзии;
- 4) определить размер, соотношение строф и строк в оригинале и переводах;
- 5) установить аллитерации л/н в эмоциональных концептах в оригинале и переводах;
- 6) раскрыть сущность финала в оригинале и его восприятие переводчиками;
- 7) провести сопоставительный анализ избранных переводов для определения наиболее оптимального;
- 8) провести дискуссию об особенностях перевода стихотворения «Аннабель Ли» на русский язык, определив наиболее оптимальный вариант перевода и верность позиций Т.Ю. Меркурьевой и Э.Ф. Осиповой.

Источниковой базой исследования служат переводы стихотворения «Аннабель Ли» российских и советских переводчиков, поэтов и художественных критиков.

Анализируемый языковой материал включает в себя:

1. Оригинал Э.А. По (1849).
2. Перевод С. Андреевского (1878).

3. Перевод Д. Садовникова (1879).
4. Перевод К. Бальмонта (1895).
5. Перевод Л. Уманца (1908).
6. Перевод В. Федорова (1923).
7. Перевод В. Брюсова (1924).
8. Перевод В. Жаботинского (1931).
9. Перевод А. Оленича-Гнененко (1946).

При изучении источниковой базы и формирования эмпирической части исследования мы использовали следующие лингвистические методы: метод лингвистического наблюдения и описания, сравнительно-лингвистический метод, лексико-семантический метод, структурно-семантический метод, контекстный метод, метод *compositional semantics*. Ключевая методология основана на синкретизме художественного перевода Е.А. Огневой, стилистического перевода А.Д. Швейцера и текстологического анализа (подхода) Ч.С. Пирса.

Метод *compositional semantics* служит для изучения фактов существования и изменения лингвокультуры на уровне изучаемого языкового материала (художественного пространства и мировосприятия лирических героев и языковой личности Э.А. По). С помощью анализа семантики мистических, эмоциональных и культово-ритуальных концептов и синтеза полученных языковых данных мы разбираем неточности перевода оригинала и особенности авторских вставок, искажений исходного текста.

1. Обзор литературы

В ходе исследования мы пользуемся преимущественно источниковой базой. Научная литература используется для раскрытия особенностей эпохи романтизма в США и в контексте обобщения характера поэтического творчества Э.А. По. Работа Т. Адорно «Эстетическая теория» используется для расширения представления о свойствах и функциях эмоциональных, религиозных и мистических концептов в создании уникального художественного мира автора, а также для установления эстетической стороны стилистических средств произведения-оригинала (Адорно, 2017). Статья Т.Ю. Меркурьевой «Женские образы в творчестве Э. По» используется для установления связи между категорией «вечной любви» в стихотворении «Аннабель Ли» с женскими образами из других прозаических и поэтических произведений Э.А. По. (Меркурьева, 2019). Статья Э.Ф. Осиповой «О переводах Эдгара По в России» используется при уточнении сведений о специфике пере-

водов стихотворения «Аннабель Ли», а также для установления некоторых особенностей стиля и типичной лексики избранных переводчиков (Осипова, 2017).

Главным образом, примечательна статья Т.Ю. Меркурьевой «Женские образы в творчестве Э. По», в которой автор доказывает необходимость отвлечения при переводе стихотворения «Аннабель Ли» от интенции главного героя. С исследовательской точки зрения, Э.А. По в данном стихотворении придерживается традиций романтизма (с прослеживающимися элементами неоромантизма), причём готические концепты служат для укрепления фабулы, выразительных средств. Т.Ю. Меркурьева выделяет свою принципиальную позицию: народная поэзия как отличительная особенность данного стихотворения, не свойственная для большей части работ Э.А. По. Наиболее «удачными» Т.Ю. Меркурьева называет переводы стихотворения на русский язык у В. Брюсова, В. Федорова и К. Бальмонта. Причём перевод В. Федорова критикуется с позиции чрезмерной интерпретации, искажения лексико-семантических особенностей оригинала. Тогда как перевод К. Бальмонта кажется автору чрезмерно «своевольным». В отношении перевода В. Брюсова Т.Ю. Меркурьева считает, что автор создал наиболее верный вариант перевода, хотя и не сумел адаптировать все лексические схемы в полной мере.

Противоположной точки зрения придерживается Э.Ф. Осипова, автор другого самостоятельного исследования. С её точки зрения, интенция главного героя должна служить отправной точкой перевода. Автор аргументирует это тем, что, несмотря на реально существующий прототип героини, переводчику важно понять, прежде всего, эмоциональные концепты героя, раскрыть их через готический дискурс. Только там можно добиться наиболее оптимального варианта перевода. В «Аннабель Ли» готическая составляющая является первичной, романтизм (неоромантизм) отходит на второй план, а народная поэзия подкрепляет структуру текста, делая его более мелодичным. В этом Э.Ф. Осипова прослеживает ключевую задумку автора: создать «симфоническое произведение», где образы и звуки смогли бы переплетаться, подобно личностям героя и героини. Наиболее удачными Э.Ф. Осипова считает переводы Д. Садовникова и В. Брюсова. Если по поводу перевода В. Брюсова мнения Э.Ф. Осиповой и Т.Ю. Меркурьевой совпадают, то замечания Э.Ф. Осиповой в отношении перевода Д. Садовникова разнятся с общепринятой позицией в целом. Э.Ф. Осипова отмечает профессионализм переводчика, который опирался на опыт предыдущих

работ. В то же время критикуется наличие большого количества эпитетов, отсутствующих в оригинале и фактически разрушающих связь готики и народной поэзии. Автором критически оцениваются переводы С. Андреевского и Л. Уманца, которые автор считает «вольной интерпретацией».

Анализ произведения-оригинала и самих переводов осуществляется исключительно через обращение к самим источникам.

Критерии перевода: 1) композиция, идейно-образный уровень; 2) структура предложений, их связность; 3) адаптация перевода (простота восприятия, особенности воспроизведения культурных концептов); 4) гибкость перевода (творческий подход без потери смысла, особенности воспроизведения эмоциональных концептов); 5) использование синонимов, родственных по значению слов (отсутствие тавтологии); 6) передача эмоциональной нагрузки/оттенка, следствие авторского воспроизведения эмоциональных концептов; 7) сопоставительный анализ.

2. Жанр, композиция и стилистика оригинала

В переводе поэтического произведения дать художественную равноценность — задача практически невыполнимая. В зависимости от видения композиции, стилистики и восприятия семантики произведения, каждый переводчик стремится либо сохранить наиболее значимые категории, концепты, воспроизвести стилистические средства, рискуя потерять целостность и лаконичность, либо передать эмоциональную сторону произведения, попытаться угадать миропонимание автора, его позицию, искажив часть семантики оригинала. Второй путь — тот, который обычно выбирают поэты, для которых переводческая деятельность не является профессиональной. В то же время, профессиональные переводчики предпочитают избегать «эффекта погружения», детально воспроизводя лексические особенности оригинала (Адорно, 2017).

Стихотворение, как и любое произведение искусства, уникально в своём роде, поэтому перевести его точно достаточно сложно. И, как правило, поэтический перевод — лишь отражение исходной формы. «Аннабель Ли» — последнее из написанных Э.А. По стихотворений. В нём Э.А. По развивает две темы — «вечной любви» и «любви потерянной». Лирический герой — романтик, который с юных лет влюбляется в красивую девушку. Повзрослев, он женится на своей любимой, но затем случается несчастье — сильным порывом ветра она срывается с края обрыва, о чём можно догадаться из содержания первой и третьей строф: “In a kingdom by the sea,

<...> A wind blew out of a cloud, chilling / My beautiful Annabel Lee” (Poe, 1849). Герой-рассказчик считает, что это ангелы погубили его любимую. Не выдержав потери, герой решает последовать за ней: “And so, all the night-tide, I lie down by the side <...> In her sepulchre there by the sea” (Poe, 1849).

Таким образом, по своему жанру стихотворение можно определить как лирическое, с романтическими и мистическими мотивами, элементами философской лирики. Кроме того, отдельные черты позволяют отнести стихотворение к готическому, аллегорическому. Черты готики прослеживаются в пейзаже, атрибутах и описательных характеристиках.

Например, первые строки (и способ повествования в целом) в начале стихотворения свидетельствует только о «чистом» романтизме XIX в. При этом последние строки третьей строфы явно содержат предромантические мотивы: “To shut her up in a sepulchre / In this kingdom by the sea” (Poe, 1849).

Аллегии встречаются на протяжении всего стихотворения, способ философствования также говорит о его аллегорическом характере. Отдельные элементы и, в частности, последняя строфа определённо содержат готические мотивы: “For the moon never beams, without bringing me dreams / Of the beautiful Annabel Lee”. Также стихотворение близко к элегии и эпитафии (Poe, 1849).

В образе Аннабель Ли воплотилась Сара Эльмира Ройстер, невеста Э.А. По, на которой он должен был жениться в октябре 1849 г., но не дожил до свадьбы. Считается, что с Сарой Э.А. По связывала детская влюблённость. Как человек достаточно нерешительный, Э.А. По решил сделать предложение Саре только в 1849 г., когда она стала вдовой, а здоровье поэта значительно ухудшилось (Меркурьева, 2019).

Стихотворение состоит из 6 строф. Первая, вторая и четвертая строки — шестистишия. Третья и шестая строки — восьмистишия. Пятая строка — семистишие. Размер — анапест. Метрические особенности позволяют автору использовать эмоциональный концепты в анафорах и аллитерациях, что значительно усиливает эмоциональную нагрузку. Первые две строфы рассказывают о «королевстве за морем», о юности лирического героя и Аннабель Ли. Третья строфа — кульминация, столкновение земного мира с небесным. Последние три строфы — рефлексия на образ Аннабель Ли, размышление о любви к ней и о её смерти. Лирический герой рассуждает о своих отношениях с возлюбленной, пытается найти обоснование несправедливости, которая произошла с ним.

Стихотворение написано дольником. Близкий к тоническому размер идеально подходит для философствования в форме живой разговорной речи, при этом автору удаётся придать стихотворению эпические мотивы с помощью анафор, метафор, сравнительных оборотов и уточнений. Интенция лирического героя сливается с интенцией автора, в оригинале образ героя растворяется, но абсолютизируется образ героини. В стихотворении строки с тремя и четырьмя ударениями в строке чередуются неупорядоченно. Анафора позволяет создать внутренние рифмы, аллитерации. Такой подход придаёт стихотворению плавность, напевность и мелодичное звучание. Аллитерация л/н (эмоциональные концепты) — *chilling; cloud; never; kinsmen; love*. Особенность рифмовки данного стихотворения состоит в том, что рифмуются только строки со звуком: “...by the sea”, “...Annabel Lee”, “...be loved by me”. Все остальные строки не рифмуются, что позволяет констатировать теснейшую связь стихотворения с народной поэзией (Рое, 1849).

3. Лексико-семантические особенности оригинала

Лирический герой на протяжении стихотворения ни разу не упомянул внешние характеристики возлюбленной, душевный склад был опущен за счёт развернутого философствования. Эпитетов в стихотворении сравнительно немного: “wingèd seraphs”, “bright eyes”, “sounding sea”, “beautiful Annabel Lee” — повторяется трижды. Особое созвучие достигается с помощью сочетания анафор и аллитераций. Этот эффект усиливается и за счёт того, что в имени Аннабель Ли есть только звонкие согласные, две из них — сонорные. «Звнящий» образ завершает ассонанс открытых гласных. С лингвистической точки зрения интересно и то, что само имя героини на английском языке созвучно с «колокольчиком» (Рое, 1849).

О самой героине читатель узнаёт сравнительно немного из философствования героя. Во-первых, они росли вместе, любили друг друга. Во-вторых, героиня была, как и её прототип, родом из богатой семьи. В-третьих, она умерла из-за порыва ветра, либо простудившись, либо сорвавшись со скалы, — второй вариант кажется более верным, исходя из содержания последней строфы. Так, автор обозначает всего три значимые для себя вещи: любовь героя к героини, смерть героини и страдания героя. Ещё один факт становится важным с идейной точки зрения, если сравнивать содержание стихотворения с событиями из жизни автора: обеспеченность семьи героини стала причиной отдаления героини от героя. Хотя

в стихотворении это и практически не показано, бессознательно автор отразил невозможность быть вместе с Сарой Ройстер, свои внутренние переживания через «скрытое расставание», предшествующее смерти в третьей строфе. Это может говорить о том, что для автора потеря героини в социальном аспекте приравнивается к её смерти (Осипова, 2017).

Как мы отмечали ранее, стихотворение имеет сходства с народной поэзией. Воспевая несчастную любовь, автор создаёт балладу, наполненную чувством тоски, разочарования. Рефрены создают основу для мелодичного звучания. Поэты эпохи Античности и Раннего Средневековья использовали данный приём специально для созвучия с конкретным музыкальным инструментом (лира, дудка, блокфлейта и др.). В то же время, автору свойственен модернистский числовой символизм. Каждый символ-образ-концепт в стихотворении обусловлен последовательным изложением страдания лирическим героем. Также числовой символизм выражен непосредственно в структуре стихотворения. Например, фраза “by the sea” повторяется 6 раз — во всех строфах, кроме пятой, дважды — в третьей. Имя возлюбленной повторяется в каждой строке, дважды — в последней (всего 7 раз). Аллитерация л/н также структурирована, имеет числовую семантику и обусловленность, в отличие от всех избранных для анализа переводов. Семантические повторы актуализируют числовой символизм. Дважды автор упоминает о том, как ангелы позавидовали любви героя и героини, дважды говорится о несчастном случае, дважды о том, где похоронена героиня. Все аспекты семантических повторов в той или иной степени формируют художественный мир, подкрепляя, таким образом, числовую семантику.

Последняя строфа двусмысленна в каждом из переводов. В зависимости от особенностей восприятия финала автором, образ героя может сохраняться или растворяться, а образ героини — абсолютизироваться. Помимо того, часто образы героя и героини сливаются воедино. Гораздо реже растворяется образ героини. Начиная с метафоры “For the moon never beams...”, сказочное начало стихотворение трансформируется в мистическое, зловещее. Его форма в окончании воспринимается как завершение эпического повествования. Впрочем, такая трактовка не объясняет семантику слов героя, когда речь идёт о снах. Лирический герой, наблюдая за звёздами, либо отправляется в могилу, зная о предстоящем воссоединении с героиней, либо отказывается от жизни, надеясь на воссоединение (Рое, 1849).

4. Особенности ранних переводов 1878–1908 гг.

В ранних переводах стихотворения «Аннабель Ли» содержится много неточностей. Переводчики не придерживались манеры автора, «подстраивая» стиль под себя. С одной стороны, это способствовало лучшему восприятию текста российским дворянством, интеллигенцией, а с другой, — искажало представление о природе поэзии Э.А. По и сущности американского романтизма в целом.

Перевод С. Андреевского (1878) — самый удачный из ранних переводов и в то же время вполне самобытный. От оригинала Э.А. По отличается, прежде всего, своими метрическими характеристиками. С. Андреевский, единственный из переводивших стихотворение «Аннабель Ли» на русский язык, использовал амфибрахий. Структура текста выглядит следующим образом: 2/8, 1/7, 3/6. На идейно-образном уровне сохраняется эпичность: «И спрятали тело в гробнице печальной / На берегу дальней земли». В то же время, высокий слог не мешает переводчику воплощать черты народной поэзии: «Мы с ней провели безмятежное детство / На берегу дальней земли, / Но чувством любви, беспримерной на свете, / Я связан был с Аннабель-Ли» (Андреевский, 1878). Существенный недостаток перевода С. Андреевского — практически полная потеря элементов готики/мистики, отдельные концепты сохраняют свои свойства, но, при этом, растворяются в романтических мотивах. С. Андреевскому абсолютно не присуще чувство таинственного, создание пугающей атмосферы и готического пейзажа не даётся автору из-за отсутствия опыта работы с зарубежными текстами первой конца XVIII — первой половины XIX в., написанными в рамках развития идей «первой волны» английской готики и литературы.

Структура предложений имеет цельную связь. Как и у Э.А. По, повествование развивается за счёт сказочного начала и преобразования сказочного дискурса в готический. Однако готический дискурс С. Андреевского вряд ли можно назвать полноценным, как в оригинале. Он не актуализирован ни предромантическими, ни готическими мотивами. Романтизм С. Андреевского сталкивается с атмосферой «таинственного» и «пугающего», которую он пытается воссоздать, но даже сама структура предложений не позволяет этого сделать. Перевод хорошо адаптирован в целом, но воспринимается слишком просто по сравнению с оригиналом из-за того, что автор использует много эпитетов, которые присутствуют в оригинале лишь в виде анафор. Например: «миловидная дева»; «любви обоюдной»; «любви, беспримерной на свете»; «важного тестя»; «в гробнице печальной»; «в небе высоком»; «святого союза».

Автор смог передать аллитерацию л/н: «жила и цвела»; «холодной повеяла»; «спрятали тело»; «не ведали люди»; «демоны в недрах» (Андреевский, 1878).

Большое количество эпитетов, которые отсутствуют в оригинале, заметно ухудшает гибкость перевода. Так, творческий подход переводчика позволяет ему создать собственную художественную атмосферу, но главная задача перевода — передать как можно больше особенностей оригинала, попытаться сохранить исходную форму стихотворения и придать ему хорошее звучание на другом языке. В переводе С. Андреевского мы видим, что теряется смысл произведения, воспроизведение эмоциональных концептов не передаёт их полноты в оригинале. Помимо того, в стихотворении присутствует тавтология, вызванная непониманием числового символизма оригинала, непродуманностью метрики и резким переходом от сказочного начала к романтизму. Эмоциональная нагрузка минимальная по сравнению с оригиналом. Совокупность решений переводчика в отношении реализации художественного мира автора привела к тому, что в финале образ героя сохраняется, а не растворяется, как в оригинале. Однако переводчик смог абсолютизировать образ героини. Таким образом, перевод С. Андреевского нельзя считать полноценным переводом, так как была утеряна большая часть смысла оригинала, и, фактически, данная работа ближе к авторскому произведению, а не к профессиональному переводу.

Перевод Д. Садовникова (1879) — качественный профессиональный перевод, в котором авторская позиция гармонично сочетается с реализацией лексико-семантических особенностей оригинала. Композиция стихотворения в целом удачная, но переводчик, опираясь на опыт предыдущих работ, решил использовать дактиль, а не анапест, как в оригинале. Это значительно повлияло на восприятие художественного мира. Интенция среднестатистического читателя будет сосредоточена на переживаниях главного героя, а не на его философствованиях о темах «вечной любви», «потерянной любви». Дело в том, что дактиль категорически не подходит для воплощения многоуровневого стихотворения, со скрытым подтекстом и числовым символизмом. Переводчик поэтапно раскрывает страдания лирического героя и аргументирует их, так, мистическая составляющая оригинала практически исчезает, теряется система «символ-образ-концепт». Например: «Многие, многие годы назад, / У моря родной мне земли, / Жила одна девушка, звали её / Красавицей Аннабель-Ли» (Садовников, 1879). Стоит отметить ту же ошибку, что и у С. Андреева — большое количество эпитетов, отсутствующих в оригинале.

Структура предложений более целостна по сравнению с переводом С. Андреевского, но, с другой стороны, она лишь частично передаёт семантику оригинала: 1/8, 1/7, 4/6. Вместо трёх шестистиший и двух восьмистиший автор составил четыре шестистишия и одно восьмистишие. Это разрушило числовой символизм, который впоследствии не был передан в переводе. В третьей строфе, где Э.А. По раскрывает сакральную сущность любви, начинает абсолютизировать образ героини (заранее, до финала, в отличие от всех последующих переводов), вместо этого переводчик сосредотачивается на сохранении мелодичности, которая начинает ослабевать во второй строфе. Перевод хорошо адаптирован, но он отнюдь не гибкий. Аллитерация на л/н не актуализирует числовой символизм, как в оригинале: «родной мне»; «земной»; «и ангелы в небе»; «холодным убили»; «родные зарыли»; «осенний унёс». В ходе перевода была потеряна динамичность аллитерации, её отражение в готическом дискурсе.

В итоге мы видим языковые воплощения автора в романтическом дискурсе, неверное воспроизведение эмоциональных концептов и слабую эмоциональную нагрузку. В переводе нет тавтологий, но, несмотря на это, присутствуют нежелательные синонимы. В целом, Д. Садовников передал значительную часть оригинальной лексики и семантики за счёт изменения композиции и стилистики. Этот подход акцентировал внимание на грустной истории любви, а не на темы, важные для автора оригинала. В финале стихотворения образ героя сохраняется, а образ героини — растворяется, что полностью противоречит задумке Э.А. По.

Перевод К. Бальмонта (1895) — считается самым мелодичным и в то же время профессиональным. Композиция как в оригинале. К. Бальмонт использует анапест. Идеино-образный уровень соответствует оригинальной авторской концепции. Структура текста как в оригинале: 2/8, 1/7, 3/6. Строфы связаны тем же способом, что и у автора. Сказочное начало трансформируется в готическом дискурсе, стимулируя «погружение» в художественный мир. К. Бальмонт лаконично передаёт содержание оригинала, сохраняя высокий уровень оригинальности и мелодичности. Например, во второй строфе: «И, любовью дыша, были оба детьми / В королевстве приморской земли. / Но любили мы больше, чем любят в любви» (Бальмонт, 1895). Или: «И её от меня унесли, / Чтоб навеки её положить в саркофаг, / В королевстве приморской земли». (Бальмонт, 1895). Интересен вариант перевода слова “sepulchre” (англ. «гробница», «склеп», «могила») — «саркофаг», развивающий готический дис-

курс. Такой приём свидетельствует о высоком уровне переводческой деятельности: вместо того, чтобы акцентировать внимание читателя на мрачном пейзаже или эмоциональном бессилии героя, создавая таким образом значимые предпосылки для развития дискурса, переводчик ограничивается отдельными концептами, которые формируют готико-романтические мотивы.

Адаптация и гибкость перевода в творческом подходе переводчика создают впечатление целостной мифопоэтической, мистической картины мира. Эмоциональная нагрузка стабильно отражается на культурных, эмоциональных и религиозных концептах. Несмотря на то, что переводчик использует больше эпитетов, чем автор, это не вредит воспроизведению концептов. Переводчик верно используют аллитерацию л/н: «цвела»; «звалась»; «был любим»; «луч луны»; «обольстительной». В словосочетании «многозатной толпой» (ср. “highborn kinsmen” — «высокородные родственники») идиолект «многозатной» одновременно позволяет сформировать эпический мотив и аллитерацию л/н. Идиолект «саркофаг» (ср. “sepulchre”) укрепляет семантические отношения внутри лексико-семантических группировок.

Однако, с учётом всех преимуществ перевода, К. Бальмонт по-своему трактует финал стихотворения. Типичное для финала любовного стихотворения у Э.А. По “never” трактуется в противоположной семантике — «всегда». Это приводит к тому, что переводчику необходимо рассказать о воссоединении героя и героини от обратного: «И зажжётся ль звезда, вижу очи всегда...» (“And the stars never rise, but I feel the bright eyes...”). Образ героя сохраняется: «И в мерцаньи ночей я всё с ней, я всё с ней...» (“And so, all the night-tide, I lie down by the side...”), что приводит к слиянию образов героя и героини. Образ героини не абсолютизируется, как в оригинале (Бальмонт, 1895; Рое, 1849).

Перевод Л. Уманца (1908) — своеобразный перевод, не основанный на опыте предыдущих работ. Автор использует ямб. Структура текста имеет такую форму: 2/8, 1/7, 3/6. Композиция — как в оригинале. Идеино-образный уровень значительно ограничен по сравнению с оригиналом из-за метрических особенностей. Аллитерация л/н выполнена на высоком уровне, хотя и в корне отличается от аллитерации в оригинале: «давно, давно»; «много»; «жила она (о ней...)»; «она меня»; «таили»; «сильнее»; «и знатный родственник». В аллитерации отсутствуют концепты.

Интересным решением переводчика является перенос уточнения из четвертой строфы в первую: «Давно, давно, тому уж много

лет, / В приморском царстве там, вдали, / Жила она (о ней слышали вы, иль нет?)» (Бальмонт, 1895). Можно сравнить с оригиналом. В первой строфе: “It was many and many a year ago, / In a kingdom by the sea, / That a maiden there lived whom you may know...” (Пoe, 1849). В четвёртой строфе: “The angels, not half so happy in Heaven, / Went envying her and me — / Yes! — that was the reason (as all men know, / In this kingdom by the sea)” (Пoe, 1849). В целом, текст хорошо адаптирован, но переводу не хватает гибкости. По сравнению с переводом К. Бальмонта (анapest) и Д. Садовникова (дактиль), Л. Уманц старается избегать решений, которые могут повлиять на изменение готического дискурса. В финале стихотворения образ героя сохраняется, сливаются образы героя и героини. Тот же результат, что и К. Бальмонта, У. Уманц достигает более простым способом, не требующим полноценной передачи эмоционального оттенка авторского текста.

5. Особенности поздних переводов 1923–1946 гг.

Поздние переводы стихотворения «Аннабель Ли» были направлены либо на поиск творческого подхода к передаче авторской лексики, семантики. Часть переводчиков стремилась более точно, чем это сделал К. Бальмонт, передать содержание стихотворения. Другие, как В. Брюсов, пытались сделать перевод более мелодичным, отразить собственные концепты и идиомы, показать суть произведения через собственный лингвоментальный комплекс.

Перевод В. Федорова (1923) — имеет много сходств с переводом К. Бальмонта и У. Уманца, однако главное, что отличает данный перевод — метрические характеристики, структура предложения и способ философствования лирического героя. Переводчик адаптировал стихотворение анапестом, сохранив шесть строф, но полностью изменил структуру: 3/6, 1/8, 1/7, 1/11 в сравнении с оригинальным соотношением строф 2/8, 1/7, 3/6. Шестистишия сохраняются в первой, второй и четвёртой строфе. Пятая строфа сохраняет оригинальные семь строк. Первое восьмистишие в третьей строфе отражает оригинальные лексику и семантику, частично передаёт числовой символизм. Финальная шестая строфа написана одиннадцатистишием вместе восьмистишия. Кроме того, метр шестой строфы имеет существенные отличия от метрики других строф.

Ср. первая строка: — / — — / — — / — / — — / (трёхстопный анапест + ямб + анапест).

Вторая строка, рифма на «-ли»: — — / — — / — — / (трёхстопный анапест).

В шестой строфе переводчик решил перейти к иному метру и, отступая от народной поэзии, использовать усиленную рифмовку не на «-ли». Как средство усиления аллитерации, усиленная рифмовка, с одной стороны, актуализировала народную поэзию, с другой, отделила последнюю строфу от всего произведения в целом. Исчезла оригинальная эпическая развязка.

Метр I: — — / — — / (рифма а: строки 1, 2; рифма с: 4, 5; рифма d: 7, 8). Анапест, две стопы. Резкий переход, создающий ощущение новой мелодии.

Метр II: — — / — — / — — / (рифма b: 3, 6). Анапест, три стопы. Переход, повторяющий мелодичность оригинальной метрики.

Метр III: — — / — — / — — / — — / (рифма e - созвучна рифме d: 9). Четырёхстопный анапест, восстанавливающий эмоциональную нагрузку.

Метр IV: — — / — — / — — / (рифма f: 10, 11). Анапест, три стопы, как в метре II. Заключительный переход в рифме f призван раскрыть семантику строфы, завершить «эффект погружения» в рамках романтического дискурса.

В метре IV использует оригинальный приём — синтез анафоры и перифразы: «Под тяжёлом настилом земли / Там, в могиле приморской земли» (ср.: “In her sepulchre there by the sea — / In her tomb by the sounding sea”) (Федоров, 1923; Пое, 1849).

Интересным кажется решение отказаться от мотивов народной поэзии для придачи стихотворению большей мелодичности. Достаточно редко переводчики стихотворений, в которых автор создаёт собственный размер, решаются на изменение его структуры (исключением является поиск средств адаптация перевода). Тем не менее, В. Федоров через такой творческий подход смог максимизировать «эффект погружения» от внутренних созвучий: «ангелы знать»; «злой налетевший»; «ночных»; «сонмы»; «демоны в недрах». И в последней строфе: «Когда светит луна, / вся душа предана»; «Когда звёзды встают, / надо мною цветут»; «Вместе с ней мы одни — / сквозь все ночи и дни...» (Федоров, 1923).

Из значительных недостатков перевода следует выделить то, что как раз творческий подход помешал формированию готического дискурса. Даже несмотря на то, что в финале произведения образ героя растворяется, и абсолютизируется образ героини (как в оригинале), лирический герой теряет свои готико-романтические черты. Сама Аннабель Ли показана исключительно в романтическом контексте, а не через синтез народной поэзии, эпоса, мистики, готики, сказки, предромантизма и романтизма оригинального про-

изведения. Пожалуй, если К. Бальмонту удалось повторить столь сложное сочетание, верно воспроизведя эмоциональные концепты, то В. Федоров здесь не преуспел.

Перевод В. Брюсова (1924) — поэтический авторский перевод, мелодичный, но не профессиональный. В отличие от своего «оппонента», К. Бальмонта, В. Брюсов стремился к ещё большей мелодичности, что сказалось на качестве передачи лексики и семантики оригинального произведения. Прежде всего, отметим неудачное начало стихотворения: «Много лет, много лет прошло / У моря, на крае земли. / Я девушку знал, я её назову / Именем Аннабель Ли...» (Брюсов, 1924). Та же ошибка, что и у В. Федорова — неверное распределение эмоциональной нагрузки, стремление передать исключительно романтические мотивы. Как результат — отсутствие сказочного начала, как в оригинале. Можно сказать, что от этого решения пострадал и идейно-образный уровень.

Нет системы символ-образ-концепт. Несмотря на то, что стихотворение написано анапестом, передана оригинальная структура (2/8, 1/7, 3/6), но неверно адаптированы авторские послылы. Фактически, В. Брюсов создал своё собственное поэтическое произведение на основе стихотворения Э.А. По, так как его творческий подход нарушает целостные связи, семантические отношения. Воспроизведение эмоциональных концептов базируется на уникальном миропонимании переводчика-поэта, что в профессиональном переводе не допускается.

Судя по эмоциональной нагрузке, переводчик пытался сформировать готический дискурс, но, вместо этого, смог лишь создать две противоположные системы — «предромантизм-романтизм» и «псевдоготику» (сочетание мистики, аллегии и готического пейзажа без соответствующей готике эмоциональной нагрузки). Аллитерация л/н передана качественно, что обусловлено мелодичностью перевода: «холоден»; «крылатые»; «знатная»; «и с лучами луны». В финале стихотворения переводчик повторяет ошибку С. Андреевского: абсолютизируется образ героини при сохранении образа героя.

Перевод В. Жаботинского (1931) — профессиональный перевод, ориентированный на упрощение оригинальной лексики, семантики. Выполнен в анапесте со структурой 1/8, 2/7, 3/6. Идейно-образный уровень не соответствует оригинальному. Решение переводчика использовать собственные культурные/мистические концепты нарушает целостность восприятия. Например: «Это было когда-то, в далёкой стране, / Где у берега спят корабли. / Там я де-

вочку знал (это было давно)» (ср.: “It was many and many a year ago, / In a kingdom by the sea, / That a maiden there lived whom you may know”) (Жаботинский, 1931; Пое, 1849).

Вместо концепта “kingdom” («королевство») в эпическом контексте “In a kingdom by the sea”, переводчик ограничился сказочным мотивом из русских сказок «в далёкой стране». Неудачным кажется решение использовать перевод «Это было когда-то» для выражения “It was many and many a year ago” с целью сохранения части поэтического пространства в третьей-четвёртой строках. Замена эпического “In a kingdom by the sea” на мистическое «Где у берега спят корабли» (олицетворение) неверно передаёт эмоциональную нагрузку оригинального произведения. Нарушен баланс аллитерации л/н: «звал/знал»; «случилось — в той дальней»; «блестящей толпой»; «чёрный ветер дохнул». В фонетическом аспекте это создаёт иллюзию мелодичности (Жаботинский, 1931).

В целом, переводчик выполнил свою задачу — упростить перевод для советского читателя. Только этим и объясняется грубое нарушение воспроизведения лексики, и семантики оригинала. Так, строка «И родные блестящей толпой собрались» (“So that her highborn kinsmen came”) не соответствует ни жанру, композиции, стилю автора, ни лексико-семантическим особенностям оригинала. Другой пример: «Разрубить эту нить меж душою моею / И душою моею Аннабель-Ли» (“Can ever dissever my soul from the soul / Of the beautiful Annabel Lee”) (Жаботинский, 1931; Пое, 1849).

Несмотря на попытки сохранить числовой символизм в семантическом аспекте, переводчик сумел лишь частично компенсировать эмоциональные оттенки готики во второй части произведения. Финал передан неверно: образ героя сохраняется, сливаются образы героя и героини.

Перевод А. Оленича-Гнененко (1946) — поэтический перевод с приоритетом на мелодичность и воплощение элементов народной поэзии. Написан амфибрахийем, структура строф: 2/8, 1/7, 3/6. Идеино-образный уровень отражает концептосферу переводчика, нацеленность на народную поэзию и исключение эпического начала. Фактически, скрытые элементы сказочного начала также растворяются в народной поэзии. Адаптация перевода — среднего качества: из-за стремления сохранить оригинальную лексику переводчик теряет нить повествования, семантика не соответствует ни романтическому, ни готическому дискурсам.

Аллитерация искусственно повторена за переводчиками раннего периода (1878–1908 гг.). Например: «жила»; «и ангелы неба»; «сгу-

бил и убил»; «сильнее любить»; «не смели»; «демоны недр». В переводе отсутствует гибкость. Это особенно видно на примере второй строфы: «Мы были как дети, она и я, / У моря, где край земли, / В то давнее, давнее время, когда / Жила здесь Аннабель Ли, / И ангелы неба смотреть на нас / Без зависти не могли» (Оленич-Гнененко, 1946). Эмоциональная нагрузка передана неверно, с позиции воспроизведения эмоциональных, мистических концептов на основе собственной концептосферы, из практики сочинения или перевода других произведений. Как результат — неверное восприятие финала: абсолютизируется образ героини, но сохраняется образ героя, актуализируется связь с земным миром.

6. Результаты и дискуссия

Следующий этап — сопоставительный анализ восьми избранных переводов. Опираясь на составленную нами методологию и метод *compositional semantics*, мы актуализировали значимые лексико-семантические особенности и стилистику переводных текстов.

В ходе сопоставления наиболее значимых характеристик, влияющих на адаптацию и гибкость переводов, мы выделили такие параметры, как размер первой строки, соотношение строф и строк, аллитерации л/н в рамках воспроизведения эмоциональных концептов и восприятие финала переводчиком.

Результаты сопоставительного анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

«Сопоставительный анализ переводов»

Оцениваемый элемент	Размер первой строки	Соотношение строф и строк	Аллитерация л/н (эмоциональные концепты)	Восприятие финала
Оригинал Э.А. По (1849)	анапест	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: chilling; cloud; never; kinsmen; love, etc.	Образ героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод С. Андреевского (1878)	амфибрахий	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: жила и цвела; холодной повеяла; спрятали тело; не ведали люди; демоны в недрах и др.	Образ героя сохраняется. Абсолютизируется образ героини.

Перевод Д. Садовникова (1879)	дактиль	6 строф: 1/8, 1/7, 4/6	Например: родной мне; земной; и ангелы в небе; холодным убили; родные зарыли; осенний унес и др.	Образ героя сохраняется. Образ героини растворяется.
Перевод К. Бальмонта (1895)	анapest	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: цвела; звалась; был любим; луч луны; обольстительной и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод Л. Уманца (1908)	ямб	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: давно, давно; много; жила она (о ней...); она меня; таили; сильнее; и знатный родственник и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод В. Федорова (1923)	анapest	6 строф: 3/6, 1/8, 1/7, 1/11	Например: ангелы знать; злой налетевший; ночных; сонмы; демоны в недрах и др.	Образ героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод В. Брюсова (1924)	анapest	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: холоден; крылатые; знатная; и с лучами луны и др.	Образ героя сохраняется. Абсолютизируется образ героини.
Перевод В. Жаботинского (1931)	анapest	6 строф: 1/8, 2/7, 3/6	Например: звал/знал; случилось — в той дальней; блестящей толпой; черный ветер дохнул и др.	Образ героя сохраняется. Сливаются образы героя и героини.
Перевод А. Оленича-Гнененко (1946)	амфибрахий	6 строф: 2/8, 1/7, 3/6	Например: жила; и ангелы неба; сгубил и убил; сильнее любить; не смели; демоны недр и др.	Образ героя сохраняется, и актуализируется его связь с земным миром. Абсолютизируется образ героини.

Исходя из табличных данных, можно судить о том, что практически все авторы предпочли использовать интуитивный способ перевода, полагаясь на оригинальный размер и мотив. Такие авторы, как С. Андреевский, К. Бальмонт, В. Брюсов и В. Жаботинский стремились не только передать нужную форму, следовать за автором во всех лексических и семантических конструкциях, но и актуализировать перевод для «широкого читателя». В особенности это касается переводов С. Андреевского и В. Брюсова, которые фактически превратили перевод или его значительную часть в собственную интерпретацию финала произведения. Их переводы были построены по принципу «от обратного», представляя собой интерпретацию интерпретации героя.

В то же время, переводы В. Брюсова, К. Бальмонта и Д. Садовникова были выполнены вполне профессионально. Но если К. Бальмонт и Д. Садовников стремились сохранить все черты оригинала (это касается как адаптации, так и гибкости перевода), то В. Брюсов неосознанно создал на основе произведения Э.А. По собственное произведение. Эта частая ошибка поэтов-переводчиков, которые занимаются авторским поэтическим творчеством больше, чем переводческой деятельностью. Ранние переводы отличает механическое сохранение точности и потеря исконной семантики, неверная передача элементов народной поэзии. При этом практически все переводчики верно передали аллитерацию л/н, укрепляющую мелодические связи и формальные народные мотивы.

Для поздних переводов, в частности, для перевода В. Федорова, характерно возвращение к готическому дискурсу, попытке воссоздать готические концепты оригинального стихотворения. Тем не менее, в построении финала произведения лишь В. Федоров смог верно передать мотив оригинала, создав впечатление «незначительности» лирического героя в контексте стихотворения: этот элемент Э.А. По раскрывает, когда в третьей строфе (“And this was the reason that, long ago...”) автор-герой постепенно становится героем-рассказчиком, затем, в пятой строфе — героем (“But our love it was stronger by far than the love...”), в шестой строфе — растворяясь, метафизическим персонажем (“For the moon never beams without bringing me dreams...”).

Именно этот эпизод играет огромную роль для установления специфики эмоциональных концептов, он же является опорным при определении степени сохранности оригинальных лексики и семантики в переводах.

Заключение

Итак, оригинал Э.А. По (1849) написан анапестом. Стихотворение состоит из шести строф (2/8, 1/7, 3/6), присутствует множество элементов аллитерации л/н. Поэт использует самые разнообразные выразительные средства, но избегает эпитетов, что необходимо для синтеза романтизма, готики как отдельных составляющих стихотворения с народной поэзией. Фактически, в стихотворении Э.А. По именно народная поэзия является двигателем сюжета. Интенция лирического героя является воплощением «народного духа» и при этом реализуется через постепенный самоанализ, поэтапный разбор концептов и последовательное формирование концептосферы. Т.Ю. Меркурьева считает, что, как таковой, в начале стихотворения концептосферы героя не существует, она складывается под влиянием мелодичности народной поэзии и «атмосферы ужасного» в готическом дискурсе. Т.Ю. Меркурьева приходит к выводу о двойственности финала, так как каждый переводчик по-своему воспринял оригинальную лексическую схему, но никто, за исключением К. Бальмонта и В. Федорова, не смог приблизиться к мироощущению автора. Э.Ф. Осипова, напротив, считает, что существующие переводы лишь безуспешно пытались «скопировать» синтез романтизма, готики и народной поэзии. Мы считаем, что именно такое неповторимое сочетание приводит к тому, что в конце стихотворения образ лирического героя растворяется. Абсолютизируется образ героини.

Перевод С. Андреевского (1878) написан амфибрахийем (2/8, 1/7, 3/6). С точки зрения гибкости, переводчик сохранил лексику и семантику оригинала за счёт изменения размера, более удобного для него как для самостоятельного автора. Т.Ю. Меркурьева пишет о том, что поэтика С. Андреевского сохраняет эпический аспект оригинала, но разрушает связи между дискурсами и не позволяет проявиться народной поэзии. С этой позицией соглашается Э.Ф. Осипова. В действительности, в большинстве переводов, и в переводе С. Андреевского, в частности, концептосфера героя заготовлена заранее и является продуктом неверного восприятия финала произведения: образ героя сохраняется, абсолютизируется образ героини. Исходя из анализа более поздних переводов, мы считаем, что С. Андреевский не использовал готический дискурс в целом, это привело к полному изменению многих концептов, их превращению в культурные формы, типичные для русской культуры и социального окружения переводчика. Впрочем, по своей «концептуальности», перевод С. Андреевского уникален.

Для ранних переводов стихотворения Т.Ю. Меркурьева замечает чрезмерную склонность к эпической поэзии, тогда как мало внимания уделяется проблеме «маленького человека» — не героя, но идеализированному образу героини. Через этот образ Т.Ю. Меркурьева считает нужным раскрытие вечных тем — конечности жизни, бескорыстной любви и пр. Исследователь верно подмечает: «Концепция поэтической (идеальной) любви у Эдгара По обладает некоторой странностью, но в свете его общеэстетических представлений вполне логична». Т.Ю. Меркурьева придерживается того мнения, что главный, лингвистически верный перевод раннего периода — перевод К. Бальмонта, который нужно и в дальнейшем исследовать для раскрытия особенностей культурных концептов.

Здесь мы видим, что ещё не до конца исследованными являются культурные концепты в отношении любовной лирики в позднем творчестве Э.А. По, однако, для установления особенностей перевода более важными являются эмоциональные концепты, передающие интенцию автора и помогающие раскрыть свойства оригинальных семантических форм. Э.Ф. Осипова настаивает на том, что из ранних переводов только перевод Д. Садовникова может считаться как адаптированным, так и вполне гибким. Мы же считаем, что перевод Д. Садовникова, в отличие от перевода К. Бальмонта, содержит множество отступлений от лексических схем оригинала, он не вполне передаёт семантику оригинального стихотворения и содержит одну грубую стилистическую ошибку — большое количество эпитетов, отсутствующих в оригинале.

Что касается более поздних переводов, то Т.Ю. Меркурьева и Э.Ф. Осипова равно выделяют значимость перевода В. Федорова, в меньшей степени анализируются переводы В. Жаботинского и А. Оленича-Гнененко. С позиции Т.Ю. Меркурьевой, В. Федоров и А. Оленич-Гнененко не смогли сделать «идеальную модель» перевода по причине избегания религиозной тематики. В. Федоров смог сохранить многие семантические формы, но использовал другой размер — анапест 3/6, 1/8, 1/7, 1/11. Это, по мнению, Т.Ю. Меркурьевой, сделало перевод «привлекательным» для советского читателя, но лишило его гибкости. На той же позиции стоит Э.Ф. Осипова. Мы считаем, что дело заключается в том, что В. Федоров отказался от народной поэзии как способа насыщения стихотворения мелодичностью. Это было обусловлено как творческим подходом, его видением правильности адаптации стихотворения, так и желанием выделиться среди других переводчиков данного стихотворения. В действительности, наравне со своеобразным переводом В. Брю-

сова, перевод В. Федорова может быть использован в дальнейшем изучении позиции переводчиков как авторов на примере творчества Э.А. По.

В отношении единственного выделяющегося своей авторской позицией перевода В. Брюсова, наше мнение совпадает с мнениями Т.Ю. Меркурьевой и Э.Ф. Осиповой по поводу того, что В. Брюсов, намеренно или нет, создал скорее собственное авторское произведение. С этим было связано, во-первых, то, что он занимался в большей степени сочинительством и в меньшей — переводческой деятельностью, и, во-вторых, его неформальное поэтическое соперничество с К. Бальмонтом.

На основе проанализированных данных можно заключить, что немногие авторы смогли перевести стихотворение «Аннабель Ли» Э.А. По, сохранив его жанровое своеобразие, композицию, стилистику и лексико-семантические особенности. Единственным, кто преуспел в верном переводе финала произведения, был В. Федоров (1923). Стилистические средства переводчики в основном старались искусственно повторять за автором, из-за чего неверно были воспроизведены многие мистические и эмоциональные концепты. Готический дискурс присутствовал у дореволюционных переводчиков, однако, ни один советский переводчик не смог отделить «чистую» готику от элементов романтизма, эпоса и сказки оригинального произведения. Метрические характеристики лучше всего были переданы в переводе К. Бальмонта. Соотношение строк и строф обосновано для каждого перевода, но лучше всего творческий подход в данном контексте способствует воссозданию художественного мира Э.А. По в переводах К. Бальмонта и Д. Садовникова. Аллитерация л/н была верно передана всеми переводчиками, кроме перевода В. Жаботинского. У А. Оленича-Гнененко аллитерация л/у не в полной мере выполняет свои функции. Эмоциональные и мистические концепты, формирующие те же мотивы, что в оригинале, встречаются у К. Бальмонта, У. Уманца и В. Федорова. Концепты В. Брюсова актуализируют некоторые элементы готики, но нарушают эмоциональную нагрузку. Единственный автор, верно передавший содержание финала — В. Федоров, близок перевод К. Бальмонта.

Список литературы

- Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2017. 532 с.
Меркурьева Т.Ю. Женские образы в творчестве Э. По // В сборнике: Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка,

литературы, журналистики, истории. Материалы III Международной научно-практической конференции, 2019. С. 110–116.

Осипова Э.Ф. О переводах Эдгара По в России // *Литература двух Америк*, 2017. № 2. С. 141–155.

Перевод А. Оленича-Гнененко (1946): <http://dkhramov.dp.ua/DneAnnabelLee#.YT2-gZ0zbDc> [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Брюсова (1924): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_53 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Федорова (1923): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_3 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод В. Жаботинского (1931): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_4 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод Д. Садовникова (1879): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_1 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод К. Бальмонта (1895): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=bl_20 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод Л. Уманца (1908): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_2 [дата обращения: 10.01.2023].

Перевод С. Андреевского (1878): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_1 [дата обращения: 10.01.2023].

Original poem by Edgar Allan Poe (1849): <https://www.poetryfoundation.org/poems/44885/annabel-lee> [дата обращения: 10.01.2023].

References

Adorno T. (2017) *Esteticheskaya teoriya = Aesthetic theory*. Moscow: Respublika, 532 p. (In Russian.).

Merkur'eva T. Yu. (2019) *Zhenskie obrazy v tvorchestve E. Poe = Female images in the works of E. Poe*. V sbornike: *Tvorchestvo V.I. Lihonosova i aktual'nye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii*. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, pp. 110–116 (In Russian.).

Osipova E.F. (2017) *O perevodah Edgara Po v Rossii = About Edgar Poe's translations in Russia*. *Literatura dvuh Amerik*. No. 2, pp. 141–155 (In Russian.).

Translation by *A. Olenich-Gnenenko* (1946): <http://dkhramov.dp.ua/DneAnnabelLee#.YT2-gZ0zbDc> [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Bryusov* (1924): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_53 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Fedorov* (1923): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_3 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *V. Zhabotinsky* (1931): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_4 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *D. Sadovnikova* (1879): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_1 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *K. Balmont* (1895): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=bl_20 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *L. Umants* (1908): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=at_2 [date of the application: 10.01.2023].

Translation by *S. Andreevsky* (1878): http://poe.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=st_1 [date of the application: 10.01.2023].

Original poem by Edgar Allan Poe (1849): <https://www.poetryfoundation.org/poems/44885/annabel-lee> [date of the application: 10.01.2023].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Макарова Олеся Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт, 355045, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Гончаров Артём Сергеевич — бакалавр, Ставропольский государственный педагогический институт. 355045, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417 «А»; raven-moon-34999@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3244-8155

ABOUT THE AUTHORS:

Olesya S. Makarova — Cand. Sc. (Pedagogy), Foreign Language Teacher (English), Associate Professor at Stavropol State Pedagogical; 355045, 417 ul. Lenina, Stavropol, Russia; o-ss@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3914-9385

Artyom S. Goncharov — Undergraduate Student at Stavropol State Pedagogical; 417 ul. Lenina, Stavropol, Russia; raven-moon-34999@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-3244-8155

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interest.